

DOI: 10.31857/S032150750015946-2

Рецензия / Review

Ближний Восток и Северная Африка в глобализированном мире

© Васильев А.М.^{a,b}, Ткаченко А.А.^{a,c}, 2021^a Институт Африки РАН, Москва, Россия^b ORCID ID: 0000-0002-7988-2338; dir@inafr.ru^c ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko@inafr.ru

Рецензия на книгу: **Труевцев К.М. «Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности».** (М., ИВ РАН, 2020. 370 с.) ISBN 978-5-907384-00-2.

Ключевые слова: глобализация, Арабский восток, ислам, авторитаризм, демократия, гражданское общество, вооруженные конфликты, конфессии, этносы, племена

Для цитирования: Васильев А.М., Ткаченко А.А. Ближний Восток и Северная Африка в глобализированном мире. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 8. С. 74-80. DOI: 10.31857/S032150750015946-2

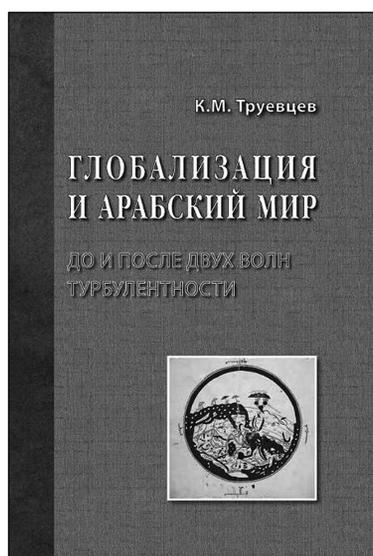
Middle East and North Africa in Globalized World

© Alexei M. Vasiliev^{a,b}, Alexander A. Tkachenko^{a,c}, 2021^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^b ORCID ID: 0000-0002-7988-2338; dir@inafr.ru^c ORCID ID: 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko@inafr.ru

Review of the book: **Truevtsev K.M. Globalization and the Arab World: Before and After Two Waves of Turbulence** (Moscow, 2021. 370 p.). (In Russ.). ISBN 978-5-907384-00-2.

Keywords: globalization, Arab world, Islam, autocracy, democracy, civil society, conflicts, confessions, ethnic groups, tribes

For citation: Vasiliev A.M., Tkachenko A.A. Middle East and North Africa in Globalized World. *Aziya i Afrika segodnya*. 2021. № 8. Pp. 74-80. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750015946-2

Монография, подготовленная известным российским ученым-арабистом, политологом *К.М.Труевцевым* - «Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности» (М. ИВ РАН, 2020. 370 с.), посвящена, главным образом, обширному региону Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. Вместе с тем, проблематика исследования затрагивает более широкий круг стран и событий в силу заметно усложняющейся сопряженности арабских стран с другими государствами и регионами мира.

Основное внимание автор уделил детальному анализу «букета» острых проблем, с которыми арабский мир, главным образом Ирак, Сирия, Йемен, Ливия, но также Египет и другие рассматриваемые страны, столкнулись с конца XX в. и до наших дней. Этот период вполне уместно определить как десятилетия турбулентности, беспрецедентных политических кризисов, изменивших облик Арабского Востока (и сопредельных с ним регионов), его место в современном мире, в комплексе международных отношений в глобальном измерении.

Монография содержит обширный ряд нетривиальных оценок и концептуальных положений, отражающих причины, ход развития, и, что особенно важно, итоги во многом противоречивых, неустойчивых процессов,

переживаемых странами и регионами, в основном, с начала 2000-х гг.

Не будет преувеличением сказать, что исследуемые в книге процессы постоянно находились в центре внимания мирового сообщества. Это - вторжение международной коалиции в Ирак и свержение С.Хусейна, последовавшая за этим проксивойна, сочетавшая в себе многие признаки гражданской войны, воору-

женного противостояния этнических, конфессиональных, племенных общностей, столкновения интересов региональных и глобальных внешних акторов; «арабская весна», положившая начало падению почти всех режимов в странах Северной Африки - в Тунисе, Египте, Ливии, а затем в Алжире и Судане (вторая волна «весны»); гражданские войны в Сирии и Йемене, война в Афганистане (среднеазиатская зона конфликтов).

Опираясь на мир-системный анализ, автор последовательно рассматривает общее и особенное в политических процессах через призму как глобализации, так и регионализации (**Раздел I. «Глобализация как политический процесс»**). Исследование этих обеих сторон происходящей в 2000-е гг. трансформации во многом современного, а кое в чем все еще полуархаичного мира, рассматривается в их сложной взаимосвязи. К.Труевцев условно определяет ее как «динамическая релятивность цивилизационного развития» «золотого миллиарда», мировой Периферии и Полупериферии.

Такой подход позволяет более четко определить, что конкретно стоит за основными чертами глобализации, за изменениями, происходящими под ее воздействием в политических структурах, а также за таким менее изученным явлением, как регионализация. Опираясь на проведенный анализ их взаимовлияния, автор приходит к своему основополагающему выводу: одним из итогов этого процесса стало появление новой конфигурации миропорядка XXI века. В нем сочетаются и доминанта глобализации (с ее разноликими локальными чертами) и регионализация, одна из ключевых черт которой - «провокативная» роль на политическом поле («арабская весна», разноформатные конфликты в регионе и за его пределами и т.п.).

Может быть, кажется поспешным вывод автора о том, что еще рано хоронить сложившуюся в начале 1990-х гг. однополярную модель мира, но автор смягчает свою категоричность описанием возвышения Китая, складывающейся многополярности в виде многочисленных, возникших в особенности в последние два десятилетия на всех континентах региональных объединений - экономических, политических, военно-политических.

Не обошел этот тренд и арабский мир. Вот только здесь наблюдается очевидная слабость и хрупкость новых образований. Союз Арабского Магриба остается парализованным в силу противоречий между Алжиром и Марокко. Совет сотрудничества государств Персидского Залива (ССГПЗ) оказался ослабленным из-за возникших в последние годы противоречий между Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами, с одной стороны, и Катаром (плюс Турция) и Ассоциацией братьев-мусульман - с другой. Лига арабских государств оказалась больше декларативным, чем реальным объединением.

В итоге, автор справедливо отмечает: «Когда исламский мир выделяли в качестве одного из мировых полюсов, это вызывало определенные, и нельзя сказать, что необоснованные сомнения. Действительно, с одной стороны, это обширнейший регион ... с населением более миллиарда человек, являющихся наследниками великой цивилизации и ... верой в свою религию и в свое историческое предназначение, однако с другой - это конгломерат чрезвычайно разных по любым меркам государств, терзаемых клубком внутренних, межстрановых, межрегиональных и межконфессиональных противоречий. Кроме того, вопрос состоит и в том, насколько эти страны не то чтобы уже вписались, а вообще в состоянии в обозримом времени вписаться в постиндустриальную эпоху. Причем речь не только о наиболее бедных и отсталых странах... Даже в отношении богатых стран ... или стран среднего уровня развития ... актуален вопрос о том, в какой мере они могут стать субъектами, а не только объектами глобализации - хотя бы в состоянии ли они производить, а не только потреблять высокотехнологичные продукты» (с. 63).

Впрочем, нельзя не принять и «контраргументы в пользу того, чтобы считать исламский мир одним из глобальных полюсов» - «тенденцию к расширению своего геополитического пространства», в частности, в сторону Тропической Африки (заметим - и не только), «постоянное расширение присутствия исламских иммигрантских масс в Западной Европе, внутри России, и пока в меньшей степени - на Американском континенте» (с. 63-64).

Опираясь в исследовании авторитаризма (**гл. 6. «Авторитаризм: проблемы методологии - типология, структура и современная ситуация»**) на сравнительный анализ, автор приходит к ряду важных заключений. В частности, утверждается, что истоки и углубление кризиса государственности - отражение фундаментальных тенденций «развития постиндустриального общества», усиленных процессом глобализации и самой, находящейся в критическом состоянии, авторитарной властью. Для них характерны доминирование вертикальных связей, крайняя слабость горизонтальных «и (особенно на этапе заката авторитаризма) практическое исчезновение адекватной обратной связи» (с. 83).

Анализ исторических особенностей развития политических систем в азиатских и латиноамериканских странах дает основания полагать, что «переход от крайней к центристской форме авторитаризма в конечном счете обеспечивает мирный, эволюционный» транзит к демократии. Автор считает: проведение идущей повсеместно с конца XX века либерализации экономики «влечет за собой необходимость либерализации и политической жизни, социально-политические элементы которой при либеральном экономическом курсе и так уже начинают прорастать» (с. 95). Однако он справедливо подчеркивает, что это также - от-

нюдь не прямолинейный курс, а трудный путь со многими опасностями и неизвестными - такими, как всепроникающая коррупция, «перекося и отступления», нарастание которых «будет вести к неминуемому социальному взрыву» (с. 95-97).

К.Труевцев неизменно использует термины «либерализация», «демократия», «демократический транзит» как аксиомы со знаком плюс. Это, безусловно, право автора. Но при анализе событий «арабской весны» можно задать вопрос: а какую демократию имели в виду и арабские либералы и интернет-молодежь, организовавшая с помощью IT-технологий массы, что привело к падению ряда авторитарных режимов? Естественно, что она имела в виду западную демократию, а если говорить откровенно - плоды западной демократии, а не ее суть.

Сам кризис западной демократии ускользает от внимания ее поклонников в арабском мире. Провалы «арабской весны» были обусловлены не просто организационными возможностями исламистов и антиисламистских сторонников авторитаризма, а более широким спектром причин. Арабская цивилизация на данном этапе своего развития была просто не готова к восприятию даже «демократии с арабской спецификой». Самым негативным образом сказалось то, что весь процесс вызревания креативных политических акторов, конструктивной оппозиции был полностью деформирован, заблокирован за десятилетия диктатуры и тотальной коррупции, креативная оппозиция была попросту «закатана в асфальт».

Продолжая тему исторических перспектив авторитаризма в трех главах **раздела II - «Конвергенция и проблема смешанных режимов» (гл. 8), «Современный авторитаризм: место в структуре миропорядка и структурно-функциональные характеристики» (гл. 9) и «Постиндустриальная стадия развития, глобализация и судьбы авторитаризма» (гл. 10)** - автор завершает свою картину кризиса авторитарной модели власти, занимающей центристское место между тоталитарной политической системой и демократией.

Опираясь на комплексную оценку глобализации, которая обнажает все стороны системного кризиса, переживаемого с конца XX в. авторитарными государствами, автор показывает неуклонное накопление экономических, социальных, цивилизационных и политических предпосылок заката авторитаризма. Развал авторитарной модели происходит в стадийном процессе (отнюдь не линейном и вместе с тем - разнотемпным) восхождения от доиндустриального к постиндустриальному обществу отдельных стран, на региональном и шире - на межрегиональном пространстве.

В **Приложении (№ 1)** приводится список 140 государств, из которых примерно 2/3 к началу третьего десятилетия XXI в. можно отнести к демократическим (ряд из них - с оговорками) и лишь порядка двух десятков - к авторитарным или тоталитарным. Вместе с тем, отмечает автор, «кризис авторитаризма еще не означает немедленного автоматического исчезновения с мировой арены всех авторитарных режимов, точнее, он знаменует начало тенденции утраты авторитаризмом характера мирового системного фактора. Но вместе с тем, в локальных региональных и страновых условиях необходимые условия для существования авторитаризма продолжают сохраняться» (с. 115).

Эти условия во многом predeterminedены поликонфессиональным, полиэтническим, племенным характером социумов. Добавим - и относительно низким уровнем экономического развития, отсутствием демократической традиции, определенной степенью замкнутости значительной части мусульманской общины и т.д. И даже там, где пали авторитарные режимы, например в Северной Африке, остаются «неясными перспективы дальнейшего пути политического развития» (с. 116). Добавим: благодаря политическому вакууму, образовавшемуся после краха авторитарных режимов, десятилетиями «закатывавшими в асфальт» оппозицию, главным образом ее креативную часть, сотрудничество с которой могло обеспечить эволюционную форму передачи власти. Египет - наглядный тому пример.

Анализу политического пространства в регионах локализации авторитаризма до развертывания «волн глобальной турбулентности» посвящен **раздел III** работы. Автор выделяет событийные процессы, трансформационные изменения в рассматриваемых странах и регионах на рубеже XX-XXI вв., отмечая в них общее - главный тренд: острое противоборство между демократическим транзитом и (нео)авторитарным устройством власти (**гл. 11 «Особенности постсоветского авторитаризма и модели развития на переломе миллениума»**).

Главный вопрос - о характере власти - не нашел, как правило, своего окончательного решения, ситуацию можно охарактеризовать как «политические качели» с той или иной амплитудой колебания в каждой из постсоветских республик. И автор заключает, что хотя имеются объективные предпосылки для авторитарного тренда, выбора авторитарной модели, она «скорее является препятствием, чем необходимой политической формой» для востребованной эпохой (комплексной) модернизации. Но остается вопрос, на какой исторический срок можно сохранить авторитаризм (неоавторитаризм)?

Логика исследования подводит автора к теме **гл. 12 «Африка южнее Сахары к началу Арабской весны»**. В ней представлен анализ политических трансформаций, происходящих в большой группе государств региона после обретения ими независимости.

Знакомство с этим интересным и во многом уникальным материалом, содержащим широкий спектр авторских наблюдений и оценок, вольно или невольно подводит читателя к мысли о том, сколь велики особенности описываемых явлений и в то же время относительно узок выбор политических моделей и форм власти.

После более чем полувековой истории независимого развития в немалом числе, если не в большинстве стран Африки в основном правят авторитарные режимы. Почти все они прошли через неоднократные и военные перевороты, и парламентские/президентские выборы, и вооруженные и мирные конфликты, которые не принесли окончательный перелом и политическую стабильность. Хотя в политических системах появилась с течением времени и демократическая атрибутика (в основном ее функция - (пока) косметическая), и отдельные страны с системой демократической власти, пусть и относительно слабой и не вполне стабильной. Но «вода камень точит» и, не исключено, она послужит развитию и укоренению «демократической» традиции с африканской спецификой: наблюдается накопление предпосылок, оказывающих постоянное давление в сторону модернизации, распада архаики. Нельзя не согласиться с автором, что этот процесс займет длительную историческую полосу и будет, главным образом, связан с (разноскоростным) демократическим транзитом.

Завершает эту главу оценка препятствий, осложняющих развитие данного, ключевого тренда, прежде всего - «преобладание локальной, полиэтнической, племенной, клановой и конфессиональной культуры, на основе которой и формируются политические институты, в т.ч. партии». (Заметим: идет процесс зарождения и вызревания гражданского общества, который был деформирован и колониализмом, и авторитарными режимами - *А.В. и А.Т.*)

Главы 13 «Политическое развитие в арабском регионе накануне Арабской весны и 14 «Фактор аль-Каиды и исламистский дискурс как вызов светским авторитарным системам» по нескольким причинам представляются одними из ключевых в рецензируемой книге. Прежде всего, следует отметить, что именно в этом районе мира особенно велика, как справедливо отмечает автор, концентрация исторически сложившихся авторитарных режимов, хотя и разноликих: монархических, в т.ч. конституционных монархий, республиканских, военных, однопартийных. Кроме того, исторический опыт трансформации - политической, социальной, экономической - в странах арабского мира, при всем разнообразии каждой из них, отражает многие из черт этого многогранного, противоречивого процесса на пространстве Азии, Африки, и, хотя в меньшей степени, - Латинской Америки.

Протекающие процессы за последние десятилетия заметно ускорились, что увеличивало неустойчивость и объективно мешало надеждам придать им последовательно эволюционный характер. Этому мешал, например, авторитарный характер власти со всеми ее «прелестями». Африканский Союз даже пошел на то, чтобы ввести санкции против режимов, приходящих к власти в результате военных переворотов.

Автор отмечает, что монархические режимы в арабских странах не допустили разрушительных последствий «арабской весны». Для этого им пришлось опереться и на мягкую силу (многомиллиардные вливания в социальные программы), и на компромиссы с исламистами, и в отдельных случаях на использование силовых структур, и даже на внешнее вмешательство (Бахрейн).

К.Труевцев заключает **14 главу**: «... Нараставшее повсеместно недовольство существующими политическими порядками в арабском мире не было уделом только происламистских сил. Значительную и также возрастающую роль в протестном движении играли представители либеральных и левых сил, возникших или усиливших свое влияние в результате, пусть весьма относительных, либеральных реформ конца XX - начала XXI вв. Несмотря на все противоречия, с исламистскими силами их объединяло недовольство существующими порядками. Это предопределило возможность формирования временных политических альянсов между исламистскими и оппозиционными либерально-демократическими силами во многих арабских странах в преддверии либо уже в ходе Арабской весны (с. 208). (Добавим, что в борьбе против авторитарных режимов возникали кое-какие временные альянсы, а раскол зачастую происходил после падения этих режимов - *А.В. и А.Т.*)

Заключительный **раздел 4 - «Волны турбулентности»** посвящен процессам и явлениям, удачно определенным автором, как «приобретающим на коротком историко-политическом отрезке разнонаправленный, как правило, нелинейный и далеко не всегда предсказуемый характер», ассоциируемый «с такими явлениями, как ураган, шторм, землетрясение или цунами» (с. 211). Как и в любом эпохальном явлении, в «арабской весне», последствия которой в разной степени затронули практически все регионы и страны мира, сошлись несколько глобальных, региональных, страновых и локальных тенденций. Событие - «арабская весна» - было ожидаемым, но его синергетический эффект, проявившийся в цунами глобального масштаба, растянувшийся, теперь уже понятно, на десятилетия, был непредсказуем. Хотя отдельные оценки на этот счет имели место.

В **главе 15 «Глобальный контекст событий 2011 г. и феномен Арабской весны»** отмечается: среди предпосылок потрясений начала второго десятилетия XXI в. - разразившийся глобальный финансово-эко-

номического кризис, возросшие социальные и политические дисбалансы - именно последние сыграли решающую роль, породив беспрецедентную и продолжительную по времени волну антиправительственных выступлений в разных регионах мира.

«Протестное движение и его результаты продемонстрировали глубокий кризис системного авторитаризма. Тренд этих изменений обозначился достаточно отчетливо». Хотя он затронул «только страны системного авторитаризма ... и не означал автоматического разрушения всех режимов подобного типа». Впрочем, оговаривает автор, рассматривая события в каждой из 23 стран арабского мира и шире - в соседних государствах, в дальнейшем «арабская весна» во многих случаях привела не к тем результатам, которых многие от нее ожидали». (Добавим: наследие обанкротившихся режимов - коррупция, политический вакуум, вопиющие социальные контрасты, масштабы и глубина деформации всей общественно-политической жизни, урон, нанесенный общественной морали и этике - вкуче оценить их роль в последующей истории государства и общества было, действительно, сверхзадачей, оказавшейся не по плечу новым и, как правило, неопытным социально-политическим акторам, приходящим на смену старым. - *А.В. и А.Т.*). «А в целом, турбулентность 2011 г. стала предвестником совершенно нового поворота в глобальном развитии событий, которые и во временном, и в пространственном отношении намного превосходили эту дестабилизирующую волну», - заключает автор (с. 235).

Свои мысли К.Труевцев подтвердил в анализе, содержащимся в **гл. 16 «Вторая волна глобальной турбулентности и парад зон региональных конфликтов»**. Автор отмечает: «Вторая волна турбулентности прямо сопрягалась с первой, но лишь в отдельных региональных аспектах вытекала из нее. В то же время она кардинально отличалась от предыдущей не только по длительности, но и по характеру и глубине потрясений, многоаспектности и ряду других существенных параметров. Если волна 2011 г. имела вид глобальной цепочки серьезных колебаний с резким всплеском, имевшим радикальные последствия лишь в одном, арабском регионе, последующая волна имела совершенно иную структуру».

«Между 2012 и 2015 гг., - считает автор, - образовалось пять крупных конфликтных очагов, носивших региональный характер» (с. 236). Среди них афро-арабский с эпицентром в Ливии, шиитско-суннитский с эпицентром в Сирии и соседнем Ираке, центрально-европейский с эпицентром в Украине. Четвертой зоной конфликтов стал Афгано-пакистанский регион с эпицентром в районе Вазиристана. И, наконец, пятой зоной явился Тихоокеанский регион, «где обострились пограничные столкновения, связанные главным образом с районами спорных островов между Китаем и практически всеми его соседями ...», а также с обострением отношений между двумя корейскими государствами (с. 248).

Автор, впрочем, отмечает, что этот последний конфликтный регион не связан ни с исламским миром, ни с последствиями последней «арабской весны». (Нам представляется, что Тихоокеанский регион привлечен сюда несколько искусственно. Ни по характеру конфликтов, ни по их причинам он все-таки прямо не связан с «арабской весной», предшествующей ей и последовавшей турбулентностью. Но автор игнорировал «классический» арабо-израильский конфликт, который в силу палестино-израильских противоречий был бомбой замедленного действия, которая и взорвалась в мае текущего года. - *А.В. и А.Т.*)

Назревали и другие конфликтные зоны. «... Угроза дальнейшего распространения конфликтов, - справедливо полагает автор, - приобретала глобальный характер, чреватый самыми серьезными последствиями для судеб всего человечества» (с. 249).

Наиболее опасными по-прежнему представляются зоны ближневосточного и североафриканского конфликтов, которым посвящены следующие две главы - **17 «Североафриканская зона регионального конфликта: его динамика и значение»** и **18 «Структура и динамика Ближневосточного конфликта»**.

В этих главах представлен анализ истории возникновения и этапы развития регионального конфликта в североафриканской зоне и в шиитско-суннитском ареале. Рассмотрены их социальная база, экономические основы, источники опоры, внутри- и внешнеполитические ориентиры, меняющаяся география распространения. Обстановка стала накаляться, и к 2015 г. «конфликт охватывал прямо или косвенно все страны региона, приобретая многокомпонентный и плохо предсказуемый характер... При анализе всех региональных конфликтных зон было очевидно, что ближневосточная ... являлась среди них наиболее опасным звеном, несущим в себе реальную угрозу глобальному миропорядку» (с. 296).

Анализ складывающейся поистине калейдоскопической картины событий, в которые втянуты растущее число внешних акторов - США, Россия, Европа, государства Среднего Востока и Тропической Африки, Китай и др. - подтверждает хорошо известную и во многом поучительную истину: легче войти в конфликт, чем выйти из него. Впрочем, ситуация, как показало ее развитие во втором десятилетии XXI в. не столь уж безнадежна - удалось заметно сократить обширный ареал распространения разношерстных и многочисленных террористических вооруженных формирований, прежде всего «Аль-Каиды», ИГИЛ, контролировавшего на пике своей активности до половины территории Ирака и Сирии, а также часть Ливии. Произошла временная стабилизация африканского Сахеля.

Тема предыдущих двух глав была продолжена в гл. 19 **«Изменение динамики, структуры и содержания ближневосточного конфликта с 2015 г.»**.

Автор подчеркнул роль РФ, наряду с курдскими силами самообороны, а также частично восстановленными вооруженными силами Ирака и отрядами шиитской милиции, в нанесении террористам невосполнимого урона в ходе боевых действий 2015-2017 гг. Тем не менее, ситуация в этой зоне осложнялась рядом тлеющих и временами разгорающихся конфликтов в курдских приграничных районах Турции и Сирии, сохранением анклавов, находящихся под контролем «Исламского государства» и отдельных террористических групп и организаций на территории Сирии.

Действия РФ и проправительственных сил, включая частично восстановленную сирийскую армию, были продолжены, и к весне 2020 г. резко, почти в 5 раз сократились территории, над которыми террористы, главным образом ИГИЛ, сохраняли свой контроль. Ими была утрачена и прежняя финансово-экономическая база. Свою лепту, хотя и действовавшая несколько непоследовательно, внесла и Турция. В итоге, возникли зоны деэскалации сирийского конфликта и в перспективе - условия для перелома ситуации и преодоления конфликта в целом, хотя экстремисты продолжали контролировать провинцию Идлиб. Все это дало автору основание утверждать, что «динамика ближневосточного конфликта, в целом, близка к исчерпанию» (с. 304).

Однако конфликты продолжают тлеть. Пример, достойный сожаления, - война в Йемене, которая также крайне негативно влияет на обстановку в регионе, увеличивая человеческие жертвы среди гражданского населения, ведя к крупным материальным и финансовым потерям, углубляя раскол между членами ССПЗ.

В завершающей главе 20 **«Значение поворота в глобальном контексте динамики конфликтных зон»** автор подчеркивает, что трансформация ближневосточного конфликта охватывала и прочие региональные конфликты. В этом просматривается некая синхронность их динамики. Вместе с тем, проведенный анализ позволяет автору считать, что синхронность всех 5 региональных зон конфликтов к третьему десятилетию XXI в. прервалась.

Предрекаемый частью международных экспертов-алармистов глобальный конфликт (третья мировая война) не состоялся, «поскольку окончательных линий глобальной конфронтации не сложилось, как не сложилось и прочных глобальных военных союзов как необходимого условия для начала полномасштабного глобального конфликта» (с. 305).

Автор усматривает в этом основную роль и России, и двух ведущих держав ЕС - Германии и Франции, усилиями которых, прежде всего в восточноевропейском, ближневосточном и североафриканском регионах, удалось ослабить влияние деструктивных сил в процессе опасной для мирового сообщества трансформации. (Стоит, конечно, добавить общепризнанный факт: усилия России по восстановлению глобального военно-стратегического паритета с США сделали мировой конфликт невозможным, т.к. он был бы самоубийственным, и дело здесь не в том, что «окончательных линий глобальной конфронтации не случилось» - А.В. и А.Т.).

Общий вывод, к которому приходит автор: «... после 2015 г. произошел существенный перелом в развитии всех конфликтных зон, и, хотя ... до окончательного прекращения региональных конфликтов по-прежнему далеко ... вторая волна турбулентности перестает быть доминирующим фактором в процессе глобализации, уступая место другим, более продуктивным тенденциям глобального развития. Однако роль Ближнего Востока и арабского мира в целом в этом развитии снижается» (с. 311).

Данный вывод лег в основу детальной оценки глобальной геостратегической ситуации в мире, в регионе и в каждой арабской стране, содержащейся в заключительной части работы - **«Вместо заключения. Элементы постконфликтного дизайна в арабском мире и в глобальном контексте»**.

Суть оценки состоит в том, что волны турбулентности, приведшие к падению влияния в мире Ближнего Востока и Северной Африки, воздействовали как на политическом, так и на экономическом поле. Это относится и к тем, кто исторически рассматривался в качестве лидеров арабского мира. Разумеется, при этом сохраняются большие страновые различия: отдельные государства выделились в качестве новых лидеров, но не в традиционном, а в современном их качестве; ряд государств распался де-факто и де-юре, отдельные - на грани распада. При этом трансформационные процессы не завершены, и регион находится на «точке ожидания», будучи отброшенным «на периферию современного развития... Переход к постиндустриальной стадии не состоялся (за исключением небольшого количества стран Персидского залива, прежде всего ОАЭ)» (с. 341).

Очертить прогноз развития обширного региона, соседних регионов мира и шире, возможно лишь приблизительно, по вполне понятным причинам. Но высказать гипотетические предположения не только возможно, но и необходимо, имея столь богатый фактический материал и аналитический авторский «багаж».

Суть выводов К.Труевцева состоит в том, что лидерские позиции в глобальном масштабе неумолимо «прописывает» не история конфликтов, а история успешной модели цивилизационного развития, важней-

шая составляющая которой - экономический прогресс. И на эту позицию, диктуемую глобализацией, выдвигаются те, кто преуспевает в «революции технологий», прежде всего информационных, в цифровизации экономик. Одна из важнейших составляющих технологического переворота - логистический мегапроект, реализуемый Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), с возможным партнерством с другими интеграционными группировками. Он нацелен на глубокую и разностороннюю интеграцию на основе нарождающейся цифровой экономики стран Азии, включая Китай, Юго-Восточную Азию, Южную Азию, членов ЕС, Россию...

Некоторые, особенно значимые положения и оценки, содержащиеся в книге, представляются дискуссионными либо излишне категоричными. Что, впрочем, не удивительно, т.к. исследуемая тема чрезмерно сложна, насыщена противоречивыми в своей основе фактами и явлениями глобального, регионального и локального масштаба, относительно новыми и недостаточно изученными научным сообществом и практиками-экспертами.

Поэтому значение книги К.Труевцева далеко выходит за рамки просто политологии, а призывает научные сообщества и к спорам, и к дальнейшему изучению цивилизационных, экономических, политических, экологических и других проблем региона в увязке с глобалистикой и регионолистикой.

В завершение, нельзя не сказать о том, что книга написана не только хорошим русским научным языком, но превосходным литературным языком, и потому читается с неподдельным интересом.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Васильев Алексей Михайлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Почетный президент Института Африки РАН, заведующий кафедрой африканистики и арабистики РУДН, Москва, Россия.

Alexei M. Vasiliev, Member of the Russian Academy of Science (RAS), Dr.Sc. (History), Professor, Honorary President of the Institute for African Studies, RAS; Head, Department of Arab and African Studies, RUDN, Moscow, Russia.

Ткаченко Александр Алексеевич, кандидат экономических наук, заведующий Центром изучения стран Северной Африки и Африканского Рога Института Африки РАН, Москва, Россия.

Alexander A. Tkachenko, PhD (Economics), Head, Center of North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию (Received)
04.06.2021

Доработана после рецензирования (Revised)
25.06.2021

Принята к публикации (Accepted)
15.07.2021